

ЗОДЧИЙ И ПОГОРЕЛЕЦ

(Эссеистические заметки о языке и стиле прозы Пушкина и Набокова)

ЖДАНОВ В.Н.

“Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет.”

Странное ли то совпадение или начертанное судьбой предопределение? — 6 июня 1799 года родился А.С. Пушкин, а через сто лет, 22 апреля 1899 года — Владимир Набоков. С Пушкина начинается “золотой век” русской литературы. А какое место занимает в этом веке Набоков и занимает ли его вообще?

1999 год провозглашен годом Пушкина, а вот юбилей Набокова пролетел почти никем незамеченный.

Для России юбилей Пушкина — глобально — эпохальное событие, веха истории, момент духовного очищения для всей нации. Вот как оценивает его один из самых интересных пушкинистов нашего времени В.С. Непомнящий: “Приближающееся — в нынешних наших обстоятельствах, надо бы сказать: неотвратимо надвигающееся — двухсотлетие со дня рождения Пушкина ставит наше национальное достоинство перед серьезным испытанием. Культурный мир вокруг очень плохо знает, что это такое — Пушкин, но он слышал, что Пушкин — центр, глава, знамя и гордость русской культуры; и он, этот мир, будет внимательно следить, как и чем в условиях распада государства, развала хозяйства, уничтожения культуры — встретят русские годовщину, величие которой в полной мере знает только Россия.

Дело, конечно, не в соображениях внешнего престижа, не в чужом мнении, не в праздничной пальбе и юбилейных кликах. Дело в том, какими мы подойдем к двухсотлетней годовщине человека, который всегда был для нас воплощением жизни, правды, красоты, величия и надежды; окажемся ли мы достойны того, что воплотилось в этом величайшем национальном гении” (В.С. Непомнящий. Предлагаем жить. В книге: “Пушкин: суждения и споры”, с. 354).

О набоковском юбилее никто и не помышлял как о чём-то значительном, серьёзном. Это была круглая дата в календаре для узкого круга любителей, интеллектуалов и специалистов. А между тем, несмотря на всю несхожесть, всю разность этих двух гениев русской литературы (хотя Набоков по праву может быть отнесен и к числу американских писателей), несмотря на их принадлежность разным эпохам и даже разным географическим пространствам, есть многое, что роднит и сближает их. И не скрывается ли за случайностью юбилейных совпадений какая-то внутренняя, глубоко спрятанная связь, не знак ли это свыше, сближающий разные вехи единого историко-литературного процесса? В конце концов и не так уж важно — случайность это или не случайность. Оттолкнувшись от нее, во всяком случае, можно по-иному взглянуть на хрестоматийный мир великих писателей и их творений.

Что же прежде всего сближает двух столь разных авторов? (Один из которых, условно говоря, едет в коляске, а другой мчится в суперсовременном самолёте). Это — самые универсальные детерминаты художественного творчества — язык и стиль, а точнее, отношение к языку и стилю. Общеизвестна судьбоопределяющая роль Пушкина в процессе формирования русской национальной литературы. Пушкин (с легкой руки Белинского) дал основные типы русских героев (“лишний человек”, “маленький человек”, особый тип русской героини), которые, трансформируясь, кочевали

от одного писателя к другому. Пушкин считается и основоположником русского литературного языка. Но, кажется, непосредственно пушкинский стиль, в частности стиль его прозы, остался “вещью в себе” и не нашел близких подражателей либо продолжателей и учеников среди великих русских классиков. Всем хорошо известный пример: Толстой, восхищённый пушкинской фразой: “К вечеру гости стали собираться на дачу”, отталкивается от неё и в конечном счёте создаёт “Войну и мир”, но в принципиально иной стилистическо-языковой манере.

Определяющую роль тут, скорее всего, играет изначальная авторская позиция. Большинство русских писателей, и прежде всего два таких корифея, как Достоевский и Толстой, идут от идеи к сюжету, героям, языковой форме; идея становится исходным, предопределяющим началом всей последующей организации произведения, его стиля и языка.

Пушкин же, если взять к примеру хотя бы его “Повести Белкина”, скорее наоборот идёт в творческом процессе не от идеи, а к идее, исходя из интересных наблюдений, из занимательных сцен жизни, увлекательных рассказов.

И у Набокова не идея, а занимательные моменты жизни тоже становятся первопричиной творческого процесса. И, может, не случайно именно в статье о Пушкине Набоков говорит об этом, раскрывая своё эстетическое кредо: “Если же жизнь иногда кажется мрачной, то только от близорукости. Для тех, кто умеет смотреть, она представляется такой же полной открытий и наслаждений, какой она являлась поэтам прошлого. (Не Пушкина ли в первую очередь имел в виду Набоков? — В.Ж.). Право же, я не перестаю спрашивать себя, как художнику удаётся мимоходом превращать жизнь в маленький шедевр. Сколько раз на улице я был поражен вдруг неожиданно возникавшим и также неожиданно исчезающим театральным зрелищем! Вот, залитый солнечным светом, едет грузовик,

полный угля, и угольщик с чёрным лицом сидит на высоком сиденье, зажав в уголке рта удивительный зелёный липовый стебель. А однажды в очень ранний час я увидел здорового берлинского почтальона, вздремнувшего на скамейке, в то время как два других из — за цветущего жасминного куста с нарочитым комизмом подкрадывались на цыпочках, чтобы запихнуть ему в нос табак.

Я видел драмы: манекен в нетронутым костюме, правда, с разодраным плечом, печально валялся в грязи среди опавших листьев. Ни дня не проходит, чтобы эта сила, это ярмарочное вдохновение не создало там или сям какой — нибудь сиюминутный спектакль. Поэтому хотелось бы думать: то, что у нас зовется искусством, в сущности, не что иное, как живописная правда жизни; нужно уметь её улавливать, вот и всё. Тогда жизнь становится занимательной, когда погружаешься в такое состояние духа, при котором самые простые вещи раскрываются перед нами в своём особенном блеске”. (Лекции по русской литературе. с. 414 — 415).

“Раскрытие самых простых вещей в особенном блеске” — вот что привлекало, как Пушкина, так и Набокова. Правда, реализовывалась у них эта тенденция довольно по — разному.

Проза Пушкина, как известно (об её особенностях написаны сотни исследований), отличается краткостью, информативной сжатостью, максимальной точностью выбора слова, (точный, ясный язык прозы — “язык мыслей” — писал Пушкин Вяземскому от 13 июля 1825 года), ничего лишнего и избыточного.

А у Набокова мы сразу погружаемся в круговерть словесной игры, необычные сравнения и словосочетания эпатажируют читателя с первых страниц почти каждого его произведения. Заглянем например на первую страницу романа “Дар” — “трактор с... более чем откровенной анатомией”, “пальто, оживляемое ветром”, “женщина с лжекитайским лицом”, “красно-

выйные молодцы”. На первый взгляд, у Набокова нет такой стилистической “скупости”, как у Пушкина, и кажется, что слова и сравнения щедро сыплются как из рога изобилия. Но, на самом деле, за всеми этими словесными выкрутасами стоит буквально математическая расчётливость. И Пушкин и Набоков в чём — то напоминают шахматистов, тщательно рассчитывающих и обдумывающих каждую комбинацию. Толстой, когда описывает в романе “Воскресение”, как Катюша Маслова приходит ночью на станцию, многократно повторяет слово “чёрный”, которое приобретает у него просто символическое значение. Немало аналогичных примеров можно найти и у Достоевского (повторяемая фраза “с горстку крови” в “Кроткой”). Такие повторы не характерны для стиля Пушкина и Набокова, поскольку нарушают расчет словесной комбинации, в которой каждое слово точно стоит на своем месте.

И Пушкин и Набоков постоянно обращаются к иронии, причём иронии, которая, разрушая пафос предшествующего повествования, является выражением авторской позиции по отношению к состоянию и действиям героев. У Пушкина обычно ирония тонкая, мягкая и глубокая. Например в “Пиковой даме”, вот как описывается состояние Германна, ожидающего ответа Лизы: “Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уже стоял перед домом графини. Погода была ужасная; ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло...” Следующая фраза: “Изредка тянулся Ванька на своей тощей кляче, высматривая запоздалого седока”, — сразу снижает весь романтический пафос трепетаний Германна, делая его псевдоромантическим.

Ирония Набокова более жёсткая и злая. Например в любовной сцене, в романе “Король, дама, валет”: “Он почувствовал у себя на затылке её напряжённую ладонь, тихо тянулся губами в жаркий уголок её полуоткрытого рта, скользнул, нашёл, и весь мир сразу стал темно — розовым. И

затем, когда, следуя смутному закону постепенности, бессознательно выведенному из того, что он слышал или читал, Франц вдыхал в её волосы, в тёплую шею повторяющиеся слова, смысл которых был только в их повторении, — и когда, уже сидя с ней рядом на краю постели, стаскивал с её ноги башмак, теребил сырой каблук, — он ощущал вовсе не то беспомощное торопливое волнение, которое ему не раз снилось, а какую — то благодатную силу, торжество, упоительную безопасность. Но попутно были маленькие приключения: каким — то образом его очки оказались у Марты на коленях, и он по привычке их нацепил, небольшое столкновение произошло между ним и её платьем, — пока не выяснилось, что оно снимается просто через голову; его правый носок был с дыркой, и выглядывал ноготь большого пальца; и подушка могла быть чище...” (В. Набоков, т. 1, с. 174). “Носок с дыркой” и “грязная подушка” указывают на то, что, с позиции автора, — это грязная любовь.

Конечно, иронию можно встретить у любого автора, будь то Чехов или Тургенев. Однако на страницах произведений Набокова и Пушкина, во — первых, она встречается гораздо чаще и является одним из основных стилистических приёмов, а, во — вторых, её объектами часто оказываются самые высшие человеческие ценности: жизнь, смерть, любовь — на которые у других писателей просто рука не поднимается.

Пора, мой друг, пора!

Покоя сердце просит.

Ведь это ирония по отношению к смерти.

Лёгкое, небрежное, порой эпикурейское отношение к смерти встречается и у Набокова. Вот какую притчу рассказывает герой “Дара” Годунов — Чердынцев: “... Был однажды человек... он жил истинным христиани-

ЗОДЧИЙ И ПОГОРЕЛЕЦ (ЖДАНОВ В.Н.)

ном; творил много добра, когда словом, когда делом, а когда молчанием; соблюдал посты; пил воду горных долин (это хорошо, — правда?); питал дух созерцанием и бдением; прожил чистую, трудную, мудрую жизнь; когда же почуял приближение смерти, тогда вместо мысли о ней, слёз покаяния, прощаний и скорби, вместо монаха и чёрного нотариуса, созвал гостей на пир, акробатов, актёров, поэтов, ораву танцовщиц, трёх волшебников, толленбургских студентов — гуляк, путешественника с Тапробаны, осушил чашу вина и умер с беспечной улыбкой среди сладких стихов, масок и музыки... Правда, великолепно? Если мне когда — нибудь придётся умирать, то я хотел бы именно так”. (В. Набоков, т. 3, с. 329).

Может, ещё более интересными, чем вышеотмеченные сходства, являются несходства и контрасты наших авторов, связывающие их в один историко — литературный узел. Возьмём хотя бы один из них — в своих работах Набоков постоянно обращается к Пушкину, но при этом пародирует или порой абсурдирует его.

Набоков, который был излишне суров по отношению ко многим литераторам (Достоевского считал посредственностью, а Белинского — ничтожеством), боготворил Пушкина. Пушкин был для него настолько неповторимым, абсолютно самоценным гением, что даже прикосновение к жизни и творчеству этого гения биографов или композиторов казалось ему ужасным надругательством. Вот как писал об этом Набоков: “Бесполезно повторять, что создатели либретто — это зловещие личности, доверившие “Евгения Онегина” или “Пиковую даму” посредственной музыке Чайковского, преступным образом уродуют пушкинский текст: я говорю “преступным”, потому что это как раз тот случай, когда закон должен был бы вмешаться; раз он запрещает частному лицу клеветать на своего ближнего, то как можно оставлять на свободе первого встречного, который бросается на творения гения, чтобы обокрасть и добавить своё с такой щедростью, что

становится трудно представить себе что — либо более глупое, чем постановку “Евгения Онегина” или “Пиковой дамы” на сцене” (В. Набоков. Лекции по русской литературе, с. 414).

Не будем полемизировать с Набоковым по поводу музыки Чайковского — предвзятость здесь очевидна. А приведём ещё одну большую и серьёзную цитату, хорошо показывающую, каким кумиром был для Набокова Пушкин.

“... Те, кто из нас, действительно, знает Пушкина, поклоняются ему с редкой пылкостью и искренностью, и так радостно сознавать, что плоды его существования и сегодня наполняют душу. Всё доставляет нам удовольствие: каждый из его переносов, естественный как поворот реки, каждый нюанс ритма, также как мельчайшие подробности его жизни, вплоть до имён его окружавших, а сейчас слившихся с ним в одну тень. Преклоняясь перед блеском его черновигов, мы стремимся по ним распознать каждый этап взлёта его вдохновения, которым создавался шедевр. Читать все до одной его записи, поэмы, сказки, элегии, письма, драмы, критические произведения — в этом одна из радостей нашей жизни”. (Лекции по русской литературе, с. 414—415).

Набоков, как мы уже сказали, обожествляя и боготворя Пушкина, беспрестанно обращался к нему в своём творчестве. Пожалуй, ни у одного другого писателя нет такого огромного количества соприкосновений с пушкинским миром: аллюзий, реминисценций, обыгрываний, пародий, связанных с Пушкиным, как у Набокова.

Переключкой с Пушкиным наполнены прежде всего так называемые “русские” романы Набокова. Это первые его шесть романов, написанных на русском языке.

Уже в самом первом “русском” романе Набокова “Машенька” всё дышит Пушкиным. Эпиграф из “Евгения Онегина” “Воспомня прежних

лет романы...” становится естественным лейтмотивом и ключом всего повествования, в центре которого воспоминания Ганина о своей юношеской любви, о романе былых лет. (Как обычно у Набокова, настоящее — ничтожно, прошлое же прекрасно). И имена в романе пушкинские — Маша, Людмила. А фамилия главного героя, Ганина, по мнению французской исследовательницы Норы Букс, фонетически возникает из фамилии Ганнибал (знаменитый пушкинский предок). Букс обращает внимание на то, что Ганин собирается уехать из Европы в Африку, в то время, как предок Пушкина, Ганнибал, напротив, из Африки прибывает в Европу, то есть, обращаясь к Пушкину, Набоков переворачивает пушкинское. В “Машеньке” повторяется ситуация “Евгения Онегина”, когда, спустя несколько лет, герой случайно встречается с героиней несостоявшейся в юности любви. Правда, у героя Набокова любовь в юности состоялась, а главное — это неожиданная встреча спустя несколько лет, но не с героиней, а с её фотографией, вызывающей водопад воспоминаний. Здесь, как и в “Онегине”, появляются письма. Но в целом все эти обращения к “Онегину” носят скорее пародийный характер. Если муж Татьяны, боевой генерал, вызывает у читателя чувство невольного уважения, то его набоковский антипод, Алферов, вызывает скорее чувство отвращения. От него (Алферова, мужа Машеньки) исходит “тёплый, вялый запах не совсем здорового пожилого мужчины” (Набоков. Собрание соч. М., 1990, т. 1, с. 36). А Ганин (анти—Онегин), дорожа прошлым и боясь настоящего, сам убегает от своей любви. Всё оказывается перевёрнутым наизнанку.

Название следующего “русского” романа Набокова “Король, дама, валет” явно перекликается с пушкинской “Пиковой дамой”, где три карты имеют столь судьбоносное значение. И главный герой, Франц, — это один из вариантов пушкинского Германна, “маленький Наполеон с душою Мефистофеля”, но в отличие от пушкинского Германна — жалкий и просто

ничтожный. Невольная смерть графини вызывает у Германна чувство стыда и жалости, неожиданная смерть любовницы Франца, Марты, вызывает у него чувство радости — он освобождается от любовного плена. Германн в финале повести становится безумным и непрерывно твердит названия злополучных карт, а Франц хохочет, как безумный, над неожиданной смертью Марты. У Пушкина побеждает коварная пиковая дама, у Набокова — коварство дамы приводит к её же смерти. Современный мир настолько ничтожен, что утончённое коварство принадлежит скорее к изыскам романтического прошлого.

Герой следующего романа (“Подвиг”), Мартын Эдельвейс, опять — таки восходит к “Евгению Онегину”. Исследователи обращают внимание на то, что этот герой создан на основе модели календарного параллелизма. Оба романа начаты в мае. “Евгений Онегин”, согласно авторской записи, закончен в 1830 — м году. “Подвиг” — в 1930 — м. К моменту завершения текста биографический возраст авторов одинаков. Таким образом, “биографический календарный параллелизм” (Н. Букс, с. 60) становится одним из главных условий сюжетостроения.

Н.Букс приводит множество параллелей, показывающих сходство между Онегиным и Мартыном Эдельвейсом, а также между Мартыном и самим Пушкиным. Это и рождение “на берегах Невы”, и известная доля легкомыслия и небрежности в характеристике обучения (знаменитое пушкинское: “Мы все учились понемногу, Чему — нибудь и как — нибудь”), и “пушкинская и онегинская страсть к полированию ногтей” (там же, с. 63).

Параллели появляются и в элементах родословной, причём в пародийном “цветовом” контрасте. У Пушкина в “Моей родословной” упоминается “чёрный дед мой Ганнибал”, — у Набокова в “Подвиге” дед Мартына — “старик весь в белом”. Соотнесённость набоковского текста с пушкинским “Евгением Онегиным” столь близка, что Набоков даже пропускает

одну главу, поскольку в “Евгении Онегине” отсутствует глава “Путешествие Онегина по России”. Таким образом и этот роман Набокова оказывается после внимательного текстологического анализа “Онегиным”, вывернутым наизнанку.

Обратившись к четвёртому русскому роману Набокова “Камера обскура”, можно провести тесные параллели с пушкинской “Пиковой дамой”. Герою “Камеры обскура”, азартному игроку Горну, часто видится “карточный сон”, в котором он счастливо открывает карту “туз пик”. По вине Горна погибает его старая полоумная мать (аллюзия на смерть старухи графини).

И наконец в самом значительном романе Набокова “Дар” пушкинские текстовые реминисценции просто непосредственно вплетаются в ткань повествования как “божественный укол” (так сам Набоков в романе словами одного из персонажей охарактеризовал данную особенность своей стилистики) (В. Набоков, т. 3, с. 86). Это и отрывки из “Путешествия в Арзрум”, и цитаты из “Истории пугачёвского бунта”, и герои “Повестей Белкина”, окружающие героев “Дара” на их прогулках. “Ритм пушкинского века” мешается с ритмом жизни героев Набокова а ритмика пушкинских стихов становится предметом размышлений набоковских героев. Даже “онегинская строфа” концовки романа Набокова говорит сама за себя:

“Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт. И всё же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама ещё звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продлённый призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка.” (В. Набоков, т. 3, с. 330).

Мы привели лишь несколько параллелей между произведениями Пушкина и Набокова, отмеченных как автором данной статьи, так и рядом

других авторов. На самом деле таких параллелей можно проследить во много раз больше. Но все они показывают, как интересны и необычны были творческие искания Владимира Набокова, которые, можно сказать, проходили под знаком Пушкина. Почему именно Пушкина? Почему именно Пушкина так боготворил Набоков?

Каждый, кто хоть немного знаком с творческой биографией Набокова, хорошо представляет, что Россия, как навсегда потерянный рай, занимала главное место в его душе и в его творчестве. А Пушкин — это один из самых ярких символов России, причём не исторической, прошлой России (как например, говоря о Маяковском, мы можем назвать его одним из самых ярких символов исторической советской России). Пушкин же, как национальный символ, в русском сознании отнюдь не принадлежит своему времени. Он вне времени или скорее принадлежит будущему. Творчество Пушкина зиждется на прочнейшем фундаменте тех явлений русской культуры и истории, которые возводили Россию в ранг великой страны. Обращение же к тёмным страницам истории: периоду смуты или “кровавому русскому бунту”, — никогда не имеет у Пушкина характера обречённости и беспросветности. Все творения Пушкина наполнены историческим оптимизмом. В какой—то степени, можно сказать, что Пушкин в России стал сильным и ярким мифом, идеалом национального характера.

Слова Гоголя о том, что Пушкин — “русский человек в развитии, каким он явится чрез двести лет”, наверное, прежде всего и имели в виду окончательное утверждение русского национального характера, его лучших качеств, русского духа.

И Набоков тянулся ко всему этому всей своей душой. Но что было в окружающей реальности? Вместо так давно ожидаемого русской интеллигенцией торжества добра и справедливости, которые, конечно же, несёт в себе русский дух, — приходит торжество русского бунта, “бессмысленно-

ЗОДЧИЙ И ПОГОРЕЛЕЦ (ЖДАНОВ В.Н.)

го” (а на деле оказавшегося отнюдь не бессмысленным, построившим свою дальнейшую политику на хладнокровном расчёте), и в высшей степени беспощадного к культурным идеалам. Примечателен в этом отношении эпиграф, выбранный Набоковым к роману “Дар”: “Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна.” (П. Смирновский. Учебник русской грамматики).

Перед Пушкиным открывались бескрайние дали истории, он строил храм. Перед Набоковым — тупик, а вместо храма — пепелище.

Библиография:

1. Букс Нора. Эшафот в хрустальном дворце. Новое литературное обозрение. М., 1989.
2. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. ОГИЗ. М., 1941.
3. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Academia, М., 1989.
4. Гей Н.К. Проза Пушкина. Наука. М., 1889.
5. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. “Водолей”. Томск, 1997.
6. Горшков А.И. Всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Просвещение, М., 1993.
7. Лотман Ю.М. Пушкин. Искусство — СПб, СПб., 1995.
8. Мейлах Б.С. Творчество А.С. Пушкина. Развитие художественной системы. Просвещение. М., 1984
9. Московский пушкинист. “Наследие”, М., 1996.
10. Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. Изд. “Независимая газета”. М., 1996.
11. Набоков Владимир. Собр. соч. в 4—х т. Правда, М., 1990.
12. Набоков Владимир. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе,

интервью, рецензии. Изд. «Книга». М., 1989.

13. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Наука, Л., 1987.
14. Поэтическая фразеология Пушкина. Наука. М., 1969.
15. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10—ти т. Наука, Л., 1978.
16. Пушкин и современная культура. Наука, М., 1996.
17. Пушкин: суждения и споры. Московский рабочий, М., 1997.
18. Фёдоров А.И. А.С. Пушкин — преобразователь русского литературного языка. Наука, Новосибирск, 1993.
19. O.Toole. Structure, Style and Interpretation in the Russian Short Story. Yale University Press, London, 1934.